

РОЛЬ ИНСТРУМЕНТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

МОХАММАД

Мария Джафаровна,

выпускница аспирантуры каф.
международных политических
процессов факультета политологии,
Санкт-Петербургский государственный
университет
(191124, Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд).
E-mail: maria_mokhammad@mail.ru

Аннотация. Во внешнеполитическую практику Саудовской Аравии в конце XX в. произошло внедрение инструментария «мягкой силы». Данная статья имеет целью рассмотрение особенностей саудовской модели «мягкой силы» и оценку ее эффективности с точки зрения приоритетных внешнеполитических задач. Автор выделяет ислам в качестве основного фактора «мягкой силы» Саудовской Аравии. Значительное внимание уделено институциональному аспекту несилового воздействия, а также информационно-коммуникационным технологиям.

Ключевые слова: Ближний Восток, Саудовская Аравия, внешняя политика, политические технологии, «мягкая сила», ислам.

Концептуализация феномена «мягкой силы»

При анализе внешней политики Саудовской Аравии фокус внимания исследовательского сообщества, как правило, смещен в сторону материальных ресурсов, в особенности нефтяного потенциала. Вместе с тем имеет место нивелирование роли «мягкой силы» как политической технологии, оказывающей значительное влияние на систему международных отношений. Валидность инструментария «мягкой силы» продемонстрировали события «арабской весны», внесшие существенные коррективы в политическую карту Ближневосточного региона.

Концепция «мягкой силы» была введена в научный оборот в 1990 г. профессором Гарвардского университета США Дж. Наем¹. Исследователь определил данный феномен как «способность влиять на других с помощью приобщающих инструментов, определяющих международную повестку дня, а также с помощью убеждения и позитивной привлекательности, в целях достижения желаемых

¹ Nye Jr. J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. P. 20–21.

результатов»¹. В качестве основополагающих источников «мягкой силы» им были выделены культура, политические ценности и внешняя политика, находящие отражение в принципах мультилатерализма, согласно которым региональные и глобальные проблемы подлежат решению на основе сотрудничества².

На современном этапе очевидное лидерство в сфере применения «мягкой силы» принадлежит США. Примечательно, что к концу XX в., американская концепция репрезентационной силы была принята на вооружение внешнеполитическими элитами многих незападных государств, в первую очередь получив широкое распространение в Юго-Восточной Азии, за которым последовало проникновение в регион Ближнего Востока. В результате проекции западного опыта на реалии арабо-мусульманского «региона» произошло видоизменение концепции «мягкой силы». Конвертация религиозного потенциала в фактор внешнего влияния послужила идеологическим подспорьем в попытке формирования устойчивой ассоциации прогресса с образом мусульманского государства. Вместе с тем ближневосточная интерпретация «мягкой силы» характеризуется гипертрофированной ролью государства в сочетании с недооценкой значимости институтов гражданского общества. К числу государств, осуществляющих наиболее активные меры по внедрению рассматриваемой технологии, принадлежат Турция, Катар, Иран и Саудовская Аравия. Данная статья посвящена рассмотрению роли инструментов «мягкой силы» во внешней политике Эр-Рияда.

Предварительно отметим, что первые попытки формирования сетей сотрудничества были предприняты саудовскими лидерами после окончания Второй мировой войны и носили предупредительный характер, обусловленный чувством незащищенности, в основе которого лежало «самовосприятие в качестве островного государства в окружении врагов»³. Основной императив саудовской внешней политики сводился к сохранению установленного режима. Текущая внешнеполитическая стратегия Эр-Рияда свидетельствует о преодолении «синдрома окружения» и стремлении к многовекторности, находящем отражение в укреплении национальных позиций на различных уровнях системы международных отношений. К этим уровням относятся: субрегион Персидского залива, регион Ближнего Востока, международное сообщество.

¹ Nye Jr. J. *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011. P. 20–21.

² Nye Jr. J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. P. 142.

³ Long D. E., Maisel S. *The Kingdom of Saudi Arabia*. 2nd ed. Gainesville, FL: University Press of Florida, 2010. P. 144.

Ислам как основа влияния

Фундаментом несилового влияния Саудовской Аравии принято считать ислам, в связи с чем наибольшую важность приобретают взаимоотношения в мусульманской группе. На правах места зарождения ислама и расположения его святынь, включающих мечеть Масджид ал-Харам в Мекке и мечеть Масджид ан-Набави в Медине, Эр-Рияд транслирует претензии на лидерство в мусульманском мире, которые в свою очередь прослеживаются в титуле саудовского монарха «Хранитель двух святынь. Защитник двух священных мечетей». В 1986 г. Король Фахд ввел в оборот данный титул, ранее принадлежавший правителям Арабского халифата, для укрепления легитимности правящего режима. Королевство позиционирует себя как лидера доминирующей среди мусульман суннитской ветви ислама. Численная несоразмерность с представителями других исламских течений, главным образом шиитами, представляется имплицитным фактором, сдерживающим соперников-.

Говоря об инструментализации ислама в соответствии с политическими мотивами, целесообразно отметить, что истоки религиозной легитимации правящего режима восходят к XVIII в., когда правитель города Ад-Дирийя Мухаммад ибн Сауд и исламский проповедник Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб заключили союз с целью объединения Аравии. Таким образом была заложена религиозно-политическая основа саудовской государственности, центральное место в которой заняла доктрина ваххабизма, впоследствии признанная частью более широкого течения в суннитском исламе — салафизма¹.

К концу XX в. произошло внедрение ваххабизма во внешнеполитический арсенал Саудовской Аравии в качестве инструмента «мягкой силы». Пропаганда мировоззренческих установок «чистого» ислама, провозглашающего приверженность принципам раннемусульманского общества, а также отказ от практик, не утвержденных Кораном и Сунной, превратились в неотъемлемую часть идеологической экспансии. Риторика представительства «истинного» ислама встала на защиту саудовских внешнеполитических интересов, получив широкое применение в ходе геополитического противостояния с Ираном как средство активизации сектантских противоречий в государствах, традиционно склонных к негативному восприятию шиитского меньшинства, таких, как Малайзия, Индонезия, Бангладеш и Пакистан. В данном случае манипулирование «иранской угрозой» представляет собой механизм консолидации суннитов под руководством Эр-Рияда.

¹ Wiktorowicz Q. Anatomy of the Salafi Movement // Studies in Conflict and Terrorism. 2006. Vol. 29. № 3. P. 207.

Тем не менее главным проводником саудовского внешнего влияния и концепции ваххабизма продолжает оставаться хадж, для совершения которого в Саудовскую Аравию ежегодно стекаются около трех миллионов человек¹. После захвата Мекки в 1924 г. саудовское руководство получило доступ к доходам от паломничества, а также контроль над соблюдением необходимых ритуалов в традиционной исламской манере, иными словами, согласно интерпретации авторитетных саудовских богословов, на которых также была возложена функция определения официальной даты хаджа. Даже шииты, не признающие суннитское верховенство над святыми местами, были вынуждены принять саудовский календарь, чтобы иметь возможность участвовать в праздничных мероприятиях. Подобное положение дел позволяет саудитам акцентировать внимание мусульман на достигнутом ими единстве ислама². Кроме того, под их руководством инфраструктура мест паломничества претерпевает перманентное обновление, как и предоставляемые услуги. Саудовская Аравия инвестирует значительные средства в организацию хаджа, размещение паломников и подарки верующим (к примеру, копии Корана и брошюры религиозного содержания, изданные в главной типографии Медины — Комплексе имени Короля Фахда), преподнося свою деятельность как служение исламу.

В контексте саудовского прозелитизма немаловажную роль играет религиозное образование, ведущим экспортером которого с 1960 г. является Королевство³. Первоначально оно было мобилизовано в качестве комплементарного фактора сдерживания идеологической гегемонии Египта и Исламской революции в Иране. В дальнейшем просветительская деятельность стала выполнять функцию автономного инструмента стабилизации настроений внутренней аудитории и повышения лояльности внешней среды. В условиях конкуренции с каирским университетом Ал-Азхар за религиозно-политический статус был основан Исламский университет Медины, а затем возникли университет имама Мухаммада ибн Сауда и университет Умм ал-Кура. Также Королевство начало финансирование строительства мечетей и медресе за пределами мусульманского региона, в частности в государствах Африки к югу от Сахары, в Восточной Азии, Европе и США⁴. На современном этапе саудовский образовательный контент продолжает

¹ *Yamin M., Albugami M. A.* An Architecture for Improving Hajj Management // ICISO 2014: Service Science and Knowledge Innovation. 2014. Vol. 426. May 23–24. P. 188.

² *Kedar M.* The Hajj and the Struggle for Islamic Hegemony // The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 2017. № 573. August. [Electronic resource] // URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/08/573-The-Hajj-and-the-Struggle-for-Islamic-Hegemony-Kedar-final-1.pdf> (Date: 27.11.2017).

³ *Kovacs A.* Saudi Arabia Exporting Salafi Education and Radicalizing Indonesia's Muslims // GI-GA-Focus. 2014. № 7. November. [Electronic resource] // URL: https://www.gigahamburg.de/en/system/files/publications/gf_international1407.pdf (Date: 26.11.2017)

⁴ *Reynolds G. S.* Saudi Arabia, Salafism, and U. S. Foreign Policy // Principles. 2017. Vol.3. № 5. [Electronic resource] // URL: Saudi Arabia, Salafism, and U. S. Foreign Policy (Date: 11.12.2017)

способствовать продвижению позитивного образа Королевства, клана Ал-Сауд и салафистской интерпретации ислама наряду с нивелированием противоречий между постулатами ваххабизма и проводимой в государстве политикой модернизации¹.

Апелляция к исламу как элементу «мягкой силы» невозможна без упоминания специализированных международных институтов, способствующих выстраиванию общепринятых установок и формированию легитимности политического авторитета национальных акторов. В 1962 г. саудовская сторона инициировала образование Лиги мусульманского мира. В условиях «Арабской холодной войны», в ходе которой Г. А. Насер предпринял попытку переворота в регионе, обращение к религиозным ценностям позволило саудовскому истеблишменту успешно противостоять секуляристской риторике египетского лидера. Данный контрманевр не только способствовал обоснованию традиционной структуры консервативной монархии и укреплению легитимности режима, но и послужил подтверждением саудовского авторитета в качестве представителя мусульманского мира. Таким образом была обеспечена институциональная основа для расширения сотрудничества, и в распоряжении Эр-Рияда появился официальный механизм для формирования политической повестки дня мусульманской «уммы».

В 1969 г. на волне публичного негодования населения арабо-мусульманского региона в связи с попыткой поджога мечети Ал-Акса в Иерусалиме, было принято решение о создании Организации исламского сотрудничества, а сам инцидент стал символом борьбы за контроль над мусульманскими святынями в Иерусалиме. В основу новой международной структуры был заложен принцип религиозной солидарности, в соответствии с которым главы мусульманских государств обязались совместно защищать права и интересы мусульманской уммы, поддерживать палестинский народ в борьбе за освобождение Палестины и консультироваться по вопросам укрепления сотрудничества и помощи в экономической, научной, культурной и духовной сферах. С течением времени поощрение религиозно-политической идеологии панисламизма заняло центральное место во внешней политике Саудовской Аравии, став частью религиозной «мягкой силы», востребованной для поддержания лояльности мусульманского сообщества.

Подводя итог, можно отметить, что на ислам возложена роль идентифицирующего бренда, обеспечивающего политическую легитимность режима, а упомянутые каналы трансляции «мягкой силы» позволяют Эр-Рияду воспроизводить риторику покровителя интересов ислама в региональном разрезе и на международной арене.

---

¹ Kovacs A. Saudi Arabia Exporting Salafi Education and Radicalizing Indonesia's Muslims // GIGA-Focus. 2014. № 7. November. [Electronic resource] // URL: https://www.gigahamburg.de/en/system/files/publications/gf_international1407.pdf (Date: 26.11.2017)

Институциональный аспект

В силу географической близости, наличия общего социокультурного кода, аналогичных политических характеристик и сходной экономической базы основополагающее место в перечне внешнеполитических интересов Эр-Рияда занимает субрегион Персидского залива, в состав которого наряду с Саудовской Аравией входят Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Катар, Кувейт и Оман, образовавшие в 1981 г. Совет сотрудничества Арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) с целью достижения интеграции в политической, экономической, социальной и культурной областях, а также в интересах обеспечения региональной безопасности совместными усилиями. Поводом послужило вовлечение «аравийской шестерки» в глобальное противостояние в период «холодной войны», за которым последовали Исламская революция в Иране в 1979 г. и Ирано-иракская война в 1981 г. на фоне усиления внутренней поляризации арабского мира после подписания египетско-израильского мирного договора в 1979 г.

Консолидация арабских государств Залива в значительной мере упрочила позиции Саудовской Аравии в борьбе за лидерство в субрегионе с учетом ослабления Ирана и Ирака. Определяя возможности Королевства в качестве «центра силы» по отношению к малым арабским государствам рассматриваемой зоны, Г. Г. Косач и Е. С. Мелкумян отмечают, что оно превосходит членов ССАГПЗ по численности населения, размеру национальной территории, достигнутому финансовому могуществу, а также по определяемому этим могуществом престижу в сфере мировой политики¹. Подтверждением значимости Королевства служит тот факт, что генеральный секретариат организации расположен в Эр-Рияде, а штаб Объединенных военных сил, находящихся под командованием представителей саудовских вооруженных сил, базируется в Хафр-эль-Батине.

Следует отметить, что, несмотря на наличие большого оборонного потенциала, при столкновении с внешними угрозами государства Совета сотрудничества, как правило, стремятся к урегулированию конфликтов посредством дипломатических решений, определенная роль в продвижении которых принадлежит Саудовской Аравии.

По мнению Дж. Костинера, выбор в сторону медиации способствует реализации нескольких важных функций. Во-первых, таким образом саудовской стороне удастся не допускать проникновения локальных конфликтов в зону Персидского залива. Во-вторых, образ посредника

¹ Косач Г. Г., Мелкумян Е. С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения / под ред. А. О. Филоник. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 88.

позволяет саудитам сохранять позицию в политическом авангарде, обеспечивая безопасность собственного государства, поскольку нападение на такого рода посредника представляется крайне неосмотрительным действием¹.

Активное участие в формировании региональной повестки дня способствует укреплению международной легитимности и престижа Королевства, что позволяет рассматривать посредничество в качестве одного из инструментов «мягкой силы», способствующих реализации внешнеполитических интересов Эр-Рияда.

К числу последних некоторые эксперты относят также политику энергетического давления². Королевство осуществляет не только военную, но и экономическую поддержку альянса, к примеру, Дж. Галларотти и Я. ал-Филали приводят информацию о том, что 70% нефтегазовых доходов Бахрейна составляют поступления с нефтяного месторождения Абу Шафах в Саудовской Аравии³. Энергетическая взаимозависимость членов организации отличает данный блок от других региональных объединений. Односторонние инициативы, идущие вразрез с коллективными целями, могут подрвать экономическое благосостояние как страны-инициатора, так и остальных членов картеля.

Впрочем, даже в рамках подобного союза имеют место противоречия, в особенности если речь идет о выработке единой политики сдерживания Ирана. Саудовская Аравия придерживается мнения о невозможности сотрудничества с ним, в то время как Катар склоняется к противоположной точке зрения. Эскалации напряженности способствует скрытая конфронтация Дохи и Эр-Рияда за региональное лидерство, следствием которой стал катарский дипломатический кризис. В итоге 5 июня 2017 г. члены ССАГПЗ объявили о разрыве дипломатических отношений с Катаром, мотивировав это связями эмирата с терроризмом. Однако, поскольку в действительности ни одна из сторон не заинтересована в длительном ухудшении отношений, наиболее вероятным сценарием развития событий представляется урегулирование конфликта на основе учета Катаром интересов аравийских монархий при посредничестве Соединенных Штатов, которые, в свою очередь, являются близким союзником Катара.

Следующее направление саудовской внешнеполитической деятельности — арабский мир, главным организационным воплощением которого стала образованная в 1945 г. Лига арабских государств (ЛАГ),

---

¹ *Kostiner J. GCC Perceptions of Collective Security in the Post-Saddam Era / Kamrava M. / The International Politics of the Persian Gulf. Modern Intellectual and Political History of the Middle East. New York. Syracuse University Press. 2011. P. 109.*

² *Gallarotti G.M., Al Filali I. Y. The Soft Power of Saudi Arabia // International Studies. 2012. № 49. P. 235.*

³ *Ibid.*

нацеленная на реализацию идеи единства независимых арабских государств. В настоящее время организация превратилась в арену столкновения интересов отдельных региональных акторов, особое место среди которых принадлежит государствам Персидского залива.

Для повышения влияния в рамках ЛАГ Саудовская Аравия активно использует ресурсы «мягкой силы». Королевство является крупнейшим донором гуманитарной помощи в ближневосточном регионе¹. Такого рода содействие не ограничивается арабо-мусульманским регионом и распространяется и на государства, принадлежащие к числу стратегических партнеров, например, Индию и Китай. В последние десятилетия, отмеченные признанием существенной экономической и политической роли Королевства мировым сообществом, произошла активизация гуманитарного направления в государствах, не соответствующих профилю традиционных получателей помощи. Наиболее яркими примерами служат Гаити, Кения и Непал.

В число субъектов гуманитарной помощи входят: руководство Королевства, влиятельные министерства, организации, аналогичные Национальному обществу Красного Полумесяца Саудовской Аравии, Саудовский фонд развития, религиозные и благотворительные организации, а также ряд неправительственных организаций².

Религиозный мотив выступает в роли катализатора саудовской благотворительной деятельности, принцип которой закреплен в пяти столпах ислама как закят, или обязательный годовой налог в пользу нуждающихся, а также средства на развитие проектов, способствующих распространению ислама. Говоря об этом, следует разделять понятия «закят» и «садака», второе из которых подразумевает добровольное пожертвование. Кроме того, поощрение благотворительной деятельности присутствует в арабской культуре.

Информационно-коммуникационные технологии

Глобальный переход к информационному обществу свидетельствует о необходимости обращения к информационному потенциалу «мягкой силы». Значительный рост инвестиций в сферу информационно-коммуникационных технологий связан с тем, что они играют первостепенную

---

¹ *Al Yahya K., Fustier N.* Saudi Arabia as a Humanitarian Donor: High Potential, Little Institutionalization / Ed. by N. Kumanoff, C. Meier, O. Read // GPPI Research Paper. 2011. № 14. [Electronic resource] // URL: http://www.gppi.net/fileadmin/user_upload/media/pub/2011/al-yahya-fustier_2011_saudi-arabia-as-humanitarian-donor_gppi.pdf (Date: 21.11.2017).

² *Al Yahya K., Fustier N.* Saudi Arabia as a Humanitarian Donor: High Potential, Little Institutionalization.

роль в новой парадигме экономического развития Саудовской Аравии, направленной на преодоление сырьевой зависимости.

К числу наиболее эффективных каналов массовой коммуникации относится Интернет, доступ к которому саудовское общество получило в 1998 г.¹ В настоящее время интеграцию Королевства в глобальное коммуникационное пространство осуществляет Комиссия по коммуникациям и информационным технологиям, согласно данным которой уже к концу 2016 г. интернет-пользователи составили около 74,9% саудовского населения².

В Королевстве регламентирована процедура фильтрации информационных потоков с целью защиты исламских ценностей. Главным образом блокировке подвергаются сайты антиисламской направленности, содержащие критику деятельности руководства Саудовской Аравии, а также материалы, имеющие сексуальный подтекст либо предоставляющие сведения о наркотиках, алкоголе, азартных играх и терроризме³. Основные задачи всемирной сети сводятся к укреплению политических связей с общественностью, распространению религиозного контента и стимуляции экономического развития.

В то же время имеет место продвижение консервативных установок посредством телерадиовещания, в роли реципиентов которого выступает преимущественно население арабских государств. Главным конкурентом Саудовской Аравии в медиа-пространстве с 1996 г. является Катар, чей телеканал «Al Jazeera» допускает открытое обсуждение внутривосточных проблем Ближневосточного региона с участием как правительственных деятелей, так и представителей оппозиции. Новаторство в сфере новостной политики позволило телеканалу «Al Jazeera» заполнить лакуны в социально-политическом охвате саудовских средств массовой информации.

В противовес Катару в 2003 г. был запущен саудовский телеканал «Al Arabiya», нацеленный на доминирование в мире кабельного и спутникового телевидения на Ближнем Востоке. Данный телеканал транслирует политические, экономические и спортивные новости, ток-шоу и репортажи, а также выступает в качестве платформы для продвижения публичной дипломатии. Государственная цензура обеспечивает позитивное освещение общественно-политической деятельности правительства Саудовской Аравии и отсутствие освещения в резонансных ситуациях. Процесс телерадиовещания включает политическую рекламу, нацеленную на создание положительного имиджа Королевства,

¹ Communications and Information Technology Commission (CITC). Annual Report, 2016. [Electronic resource] // URL: http://www.citc.gov.sa/en/mediacenter/annualreport/Documents/PR_REP_012Eng.pdf (Date: 18.12.2017).

² Ibid.

³ Ibid.

а также укрепление легитимности правящего режима как образцовой модели государственного управления. При этом Королевству пока не удалось достигнуть степени идентификации с собственной спутниковой сетью средств массовой информации, присущей Катару, внешняя политика которого воспринимается в тесной связи с охватом телеканала «Al Jazeera»¹.

Для оказания воздействия на аудиторию, выходящую за пределы Ближневосточного региона, используются инвестиции в глобальные медиа-источники, к примеру, в американский информационный канал «FoxNewsChannel» и социальную сеть для публичного обмена сообщениями «Twitter». Под руководством частных телерадиовещательных компаний Саудовской Аравии находится ряд крупных спутниковых радиостанций, пользующихся популярностью в арабских диаспорах по всему миру благодаря трансляции через американские спутниковые сети «Dish» и «Direct TV». К ним относятся «Middle East Broadcasting Center FM», «Panorama FM», «ART Zikr» и «ART Music»².

Поддержка государственных органов способствует достижению значительного прогресса в развитии информационно-коммуникационных технологий, необходимых для формирования образа прогрессивного государства. Между тем в последние годы в Саудовской Аравии отмечается настороженное отношение к инструментам «мягкой силы» интерактивного поколения, обусловленное усилением негативного восприятия технических инноваций консервативной частью саудовского духовенства, а также опытом событий «арабской весны», катализатором которой послужили цифровые технологии.

Глобальное влияние

Объективный интерес Эр-Рияда связан с укреплением позиций на международной арене посредством инструментария «мягкой силы», и в первую очередь — за счет механизма институционализации национальных интересов.

В саудовской внешнеполитической риторике прослеживается тенденция инициализации международных объединений с последующим закреплением Королевства в лидирующей роли. Ключевым фактором, предопределяющим данный процесс, как правило, является экономический мотив. К примеру, в 1960 г. Саудовская Аравия приняла участие в основании Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК),

¹ *Hammond A.* Saudi Arabia's Media Empire: Keeping the Masses at Home // Arab Media and Society. 2007. October. [Electronic resource] // URL: http://www.arabmediasociety.com/articles/downloads/20071001152622_AMS3_Andrew_Hammond.pdf (Date: 21.11.2017).

² Ibid.

получив таким образом доступ к контролю над глобальным энергетическим рынком как единственный член организации, обладающий необходимым объемом свободных добывающих мощностей¹. Лидерство в ОПЕК обеспечило саудитов действенным рычагом влияния на мировую экономическую систему, с 1970 г. пребывающую в состоянии острой зависимости от цены на нефть.

Интеграция в мировое политическое пространство потребовала расширения сетей сотрудничества. В 1945 г. Королевство присоединилось к Организации Объединенных Наций, в 1957 г. — к Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития, в 1999 г. — к «Группе двадцати», в 2005 г. — к Всемирной торговой организации. В качестве инструментов формирования положительного имиджа и привлечения симпатий международного сообщества широкое применение получили гуманитарная помощь, миротворчество, и образовательная деятельность в сочетании с информационной политикой.

Немаловажным стимулом для актуализации потребности в позитивном восприятии послужили события 11 сентября 2001 г. По причине того, что 15 из 19 террористов принадлежали к числу саудовских граждан, как и глава террористической организации ваххабитского толка «Ал-Каида», взявшей на себя ответственность за эти теракты, Саудовской Аравии были предъявлены обвинения в связях с террористами. Ситуация усугублялась тем, что более 100 заключенных тюрьмы в Гуантанамо, задержанных в ходе операции в Афганистане, также имели саудовское гражданство. Затем последовали подозрения в содействии палестинским террористам-смертникам и упреки в отказе поддержать план США по операции в Ираке². Предъявленные обвинения были опровергнуты саудовской стороной, а в ответ на критику относительно экспорта религиозного экстремизма был инициирован ряд образовательных реформ, направленных на делегитимацию терроризма в общественном сознании посредством упора на мирную природу ислама³.

Тем не менее в 2016 г. Конгресс США принял законопроект, предоставляющий возможность семьям жертв терактов 11 сентября подавать иски против Саудовской Аравии, минуя принцип суверенного иммунитета. Впрочем, широкий комплекс взаимных интересов, лежащий в основе отношений по линии Вашингтон — Эр-Рияд, не позволил социально-политическим пертурбациям нарушить формат стратегического партнерства, установленный между двумя государствами. В настоящее время Королевство продолжает служить поручителем энергетической

¹ Ежов С. С., Белова М. А. Новая старая роль ОПЕК // Нефть России. 2015. № 3. С. 10.

² Zhang J., Benoit W. L. The Message Strategies of Saudi Arabia's Image Restoration Campaign after 9/11 // Public Relations Review. 2004. № 30. P. 161–162.

³ Blanchard C. M. The Islamic Traditions of Wahhabism and Salafiyya // CRS Report for Congress. 2008. P. 5.

безопасности Вашингтона и проводником американских интересов в Ближневосточном регионе, в то время как Соединенные Штаты выступают гарантом национальной безопасности саудитов и усиливают их позиции в региональном и глобальном измерениях.

Правда, несмотря на привилегированный статус американо-саудовского союза, мнения двух государств зачастую расходятся. В качестве примера можно привести текущую внешнеполитическую линию Саудовской Аравии, осуществляемую под руководством наследного принца Мухаммеда бин Салмана, свидетельствующую о стремлении к свободе геополитического маневра. Выступив инициатором наложения эмбарго на Катар, Саудовская Аравия спровоцировала упомянутый ранее дипломатический кризис в Персидском заливе, потенциальная эскалация которого может иметь негативные последствия для экспорта нефти из субрегиона, способствующего стабильности экономики США.

Решение Саудовской Аравии возглавить коалицию суннитских государств, противостоящих повстанцам-хуситам в йеменском конфликте, привело к столкновению интересов региональных и глобальных акторов. Стоит отметить что Эр-Рияд относит хуситов к числу союзников Тегерана, а попадание Саны в зону шиитского влияния может привести к дестабилизации Аравийского полуострова и несет угрозу непосредственно клану Ал-Сауд. Реализация такого рода сценария может повлечь за собой ослабление американских позиций на Ближнем Востоке в противовес России, Китаю и Ирану, которые обретут стратегическую точку опоры в Йемене, а также выход к Аденскому заливу. В настоящий момент главным итогом военной кампании в Йемене стала масштабная гуманитарная катастрофа. Представители ООН осуждают инициированную Саудовской Аравией блокаду Йемена, последствием которой является беспрецедентный уровень эскалации напряженности¹.

Аналогичная ситуация складывается в Сирии, на территории которой произошел конфликт между правительством Башара Асада и оппозиционными силами, ставший центральным эпизодом регионального соперничества между Саудовской Аравией и Ираном. Средства массовой информации незамедлительно предъявили Королевству обвинения в поставках оружия и боеприпасов повстанческим объединениям, связанным с исламистскими и джихадистскими группировками, в число которых входят «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра»². Стоит отметить, что заинтересованность Саудовской Аравии

¹ Oakford S. Confidential U. N. Document Questions the Saudi Arabian Blockade That's Starving Yemen. TheIntercept. 2017. [Electronic resource] // URL: <https://theintercept.com/2017/11/16/u-n-security-council-saudi-arabia-blockade-yemen-famine-iran/> (Date: 19.12.2017)

² Организации, запрещенные в РФ. Sengupta K. Turkey and Saudi Arabia Alarm the West by Backing Islamist Extremists the Americans Had Bombed in Syria. Independent. 2015. [Electronic resource] // URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/syria-crisis-turkey-and-saudi-arabia-shock-western-countries-by-supporting-anti-assad-jihadists-10242747.html> (Date: 11.12.2017).

в смене правящего режима в Сирии связана с возможностью ослабить позиции Ирана, военизированной ливанской шиитской организации «Хезболла» и палестинского исламистского движения «ХАМАС», которые в свою очередь противостоят интересам Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Правительству Башара Асада удастся сохранять позиции при поддержке России, которая стала рассматриваться как ключевой игрок в возможной мирной сделке.

Вмешательство во внутренние дела Йемена и Сирии подорвало имидж Королевства, несмотря на наличие у него статуса донора гуманитарной помощи в зонах упомянутых конфликтов. В 2015 г. правительством Саудовской Аравии был учрежден Центр гуманитарной помощи и гуманитарных операций имени Короля Салмана, основные усилия которого сосредоточились на преодолении последствий гражданских войн в Йемене и Сирии. В данном случае институционализация форм предоставления содействия не связана с альтруизмом, а скорее является следствием сдвига внешнеполитической стратегии Эр-Рияда в сторону интервенционизма.

Вышеприведенные факты дают основания полагать, что внешнеполитические приоритеты Королевства Саудовская Аравия проявляют себя прежде всего на региональном уровне, реализуясь преимущественно через призму силового воздействия. Что касается несиловых методов продвижения национальных интересов, то они подменяются традиционными системами связей: этническими, конфессиональными, племенными, династическими.

Позиционированию себя в качестве современного передового государства способствует использование нефтеэкспортных доходов для приобретения внешних атрибутов «прогрессивности» и «престижа» на международной арене. Вместе с тем нельзя не отметить положительную динамику в процессе имплементации инструментария «мягкой силы» в саудовскую внешнеполитическую стратегию, но обсуждение полномасштабной реализации его потенциала в условиях архаичной политико-религиозной структуры представляется преждевременным.

Литература

Ежов С. С., Белова М. А. Новая старая роль ОПЕК // Нефть России. 2015. № 3. С. 10–14.

Косач Г. Г., Мелкумян Е. С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения / под ред. А. О. Филоник. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. 2003. 236 с.

Al Yahya K., Fustier N. Saudi Arabia as a Humanitarian Donor: High

Potential, Little Institutionalization / ed. by N. Kumanoff, C. Meier, O. Read // GPPI Research Paper. 2011. № 14.

Blanchard C. M. The Islamic Traditions of Wahhabism and Salafiyya // CRS Report for Congress. 2008. 6 p.

Communications and Information Technology Commission (CITC). Annual Report. 2016. 116 p.

Gallarotti G. M., Al Filali I. Y. The Soft Power of Saudi Arabia // International Studies. 2012. № 49. P. 233–261.

Hammond A. Saudi Arabia's Media Empire: Keeping the Masses at Home // Arab Media and Society. 2007. October.

Kedar M. The Hajj and the Struggle for Islamic Hegemony // The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 2017. No. 573. August.

Kostiner J. GCC Perceptions of Collective Security in the Post-Saddam Era / Kamrava M // The International Politics of the Persian Gulf. Modern Intellectual and Political History of the Middle East. New York. Syracuse University Press. 2011. Pp. 94–119.

Kovacs A. Saudi Arabia Exporting Salafi Education and Radicalizing Indonesia's Muslims // GIGA-Focus. 2014. № 7. November.

Long D. E., Maisel S. The Kingdom of Saudi Arabia. 2nd ed. Gainesville, FL: University Press of Florida. 2010. 176 pp.

Nye Jr. J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books. 1990. 336 pp.

Nye Jr. J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. 2004. 192 pp.

Nye Jr. J. The Future of Power. New York: Public Affairs. 2011. 320 pp.

Oakford S. Confidential U. N. Document Questions the Saudi Arabian Blockade That's Starving Yemen. The Intercept. 2017.

Reynolds G. S. Saudi Arabia, Salafism, and U. S. Foreign Policy // Principles. 2017. Vol. 3. No. 5.

Sengupta K. Turkey and Saudi Arabia Alarm the West by Backing Islamist Extremists the Americans Had Bombed in Syria. Independent. 2015.

Wiktorowicz Q. Anatomy of the Salafi Movement // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2006. Vol. 29. No. 3. Pp. 207–239.

Yamin M., Albugami M. A. An Architecture for Improving Hajj Management // ICISO 2014: Service Science and Knowledge Innovation. 2014. Vol. 426. May 23–24. Pp. 187–196.

Zhang J., Benoit W. L. The Message Strategies of Saudi Arabia's Image Restoration Campaign after 9/11 // Public Relations Review. 2004. No. 30. Pp. 161–167.

References

- Ezhov S. S., Belova M. A. (2015). Novaya staraya rol' OPEK [The new Old role of OPEC]. *Neft' Rossii*. 2015. No. 3. P. 10.
- Kosach G. G., Melkumyan E. S. (2003). *Vneshnyaya politika Saudovskoj Aravii. Prioritety, napravleniya, process prinyatiya resheniya* [Foreign Policy of Saudi Arabia. Priorities, Directions, Decision-Making Process]. Moscow: Institut izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka. 88 p.
- Al Yahya K., Fustier N. (2011). Saudi Arabia as a Humanitarian Donor: High Potential, Little Institutionalization. *GPPI Research Paper*. 2011. No. 14.
- Blanchard C. M. (2008). *The Islamic Traditions of Wahhabism and Salafiyya. CRS Report for Congress*. 5 p.
- Communications and Information Technology Commission (CITC). Annual Report*. (2016).
- Gallarotti G. M., Al Filali I. Y. (2012). The Soft Power of Saudi Arabia. *International Studies*. 2012. No. 49. P. 235.
- Hammond A. (2007). Saudi Arabia's Media Empire: Keeping the Masses at Home. *Arab Media and Society*. 2007. October.
- Kedar M. (2017). The Hajj and the Struggle for Islamic Hegemony. *The Begin-Sadat Center for Strategic Studies*. 2017. No. 573. August.
- Kostiner J. GCC Perceptions of Collective Security in the Post-Saddam Era. *Kamrava M. The International Politics of the Persian Gulf. Modern Intellectual and Political History of the Middle East*. New York. Syracuse University Press. 2011. 109 p.
- Kovacs A. Saudi Arabia Exporting Salafi Education and Radicalizing Indonesia's Muslims. *GIGA-Focus*. 2014. No. 7. November.
- Long D. E., Maisel S. (2010). *The Kingdom of Saudi Arabia*. 2nd ed. Gainesville, FL: University Press of Florida. 144 p.
- Nye Jr. J. (1990). *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. P. 20–21.
- Nye Jr. J. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 2004. 142 p.
- Nye Jr. J. (2011). *The Future of Power*. New York: Public Affairs. P. 20–21.
- Oakford S. (2017). Confidential U. N. Document Questions the Saudi Arabian Blockade That's Starving Yemen. *The Intercept*.
- Reynolds G. S. (2017). Saudi Arabia, Salafism, and U. S. Foreign Policy. *Principles*. 2017. Vol. 3. No. 5.
- Sengupta K. (2015). Turkey and Saudi Arabia Alarm the West by Backing Islamist Extremists the Americans Had Bombed in Syria. *Independent*. 2015.
- Wiktorowicz Q. (2006). Anatomy of the Salafi Movement. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2006. Vol. 29. № 3. P. 207.

Yamin M., Albugami M. A. (2014). An Architecture for Improving Hajj Management. *ICISO 2014: Service Science and Knowledge Innovation*. 2014. Vol. 426. May 23–24. P. 188.

Zhang J., Benoit W. L. (2004). The Message Strategies of Saudi Arabia s Image Restoration Campaign after 9/11. *Public Relations Review*. 2004. No. 30. P. 161–162.

Islam in Social and Political Life of States and Peoples

THE ROLE OF 'SOFT POWER' TOOLS IN FOREIGN POLICY OF THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA

Maria D. Mohammad,

postgraduate student, Department of International Political Processes, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (1/3, Smolnii Str., Entrance 7, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation).
E-mail: maria_mokhammad@mail.ru

Abstract. At the end of the 21st century arose an implementation of 'soft power' instrumentation into the foreign policy practice of Saudi Arabia. The present article is aimed at reviewing the main components of the Saudi Arabian 'soft power' model and evaluating its effectiveness in terms of priority foreign policy objectives, primarily, strengthening national positions in the Middle East, secondarily, increasing prestige on the inter-

national scene. Within the framework of conceptualization of «soft power» phenomenon is raised a question about the modification of the Western concept corresponding to eastern realities. The author singled out Islam as the main factor of the «soft power» of Saudi Arabia. Considerable attention is paid to the institutional aspect of non-military influence, as well as information and communication technologies.

Keywords: Middle East, Saudi Arabia, foreign policy, political technologies, 'soft power', Islam.

